

© А. А. Обухов, Н. В. Головки

DOI: [10.15293/2226-3365.1802.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1802.10)

УДК 101 + 911.3 + 327.8

РЕКОНСТРУКЦИЯ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ*

А. А. Обухов, Н. В. Головки (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. *Миросистемный подход И. Валлерстайна является одной из наиболее известных макросоциологических парадигм, описывающих явления и структуры исторической динамики. Цель статьи – на основании анализа геополитической и геоэкономической межгосударственной интеграции на территории современной Евразии обобщить результаты И. Валлерстайна, в первую очередь, – понятие «ядра» мир-системы в контексте формирующейся в последние несколько лет «дуоцентрической» модели геополитики, особую роль в которой играют США и Китай.*

Методология. *Методологическую основу исследования представляет собой концепция «мир-системы» И. Валлерстайна. Мы рассматриваем концепцию «мир-системы» как исследовательскую программу по И. Лакатосу и анализируем ее положительные эвристики, выдвигая вспомогательные гипотезы, которые предлагают «более сложную “модель” реальности», с целью показать прогрессивный характер концепции «мир-системы» как программы. В качестве основной «эмпирической базы» рассматриваются основания и перспективы развития международной политической и экономической систем, стратегически следующие за тремя основными, на наш взгляд, интеграционными проектами в регионе: развитием Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества, а также комплексного проекта КНР «Один пояс – один путь».*

Результаты. *Показана возможность расширения концепции миросистемного анализа И. Валлерстайна за счет представления об одновременном существовании нескольких «ядер» в рамках одной мир-системы. Новая «расширенная» модель мир-системы нацелена на то, чтобы учесть тяготение отдельных государств к тем или иным глобальным «центрам силы», и, по*

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ по Проекту «Повышение конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров (5-100)» в рамках комплексного плана исследований Центра анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии ИФП НГУ в 2017 году.

Обухов Андрей Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии, Новосибирский государственный университет.

E-mail: a.obukhov@nsu.ru

Головки Никита Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и методологии науки, Новосибирский государственный университет.

E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

мнению авторов, способна более четко, во-первых, показать геополитическое место и стратегии тех государств, которые однозначно не попадают в ту или иную основную категорию «одно-ядерной» модели (Австралия, Швейцария, скандинавские страны и т. д.), и, во-вторых, представить процесс евразийской интеграции как «сетевой проект», учитывающий именно «межцивилизационные» взаимодействия – взаимодействия между государствами, включенными в «сферы влияния» разных «центров силы».

Заключение. Сложность описания процессов глобальной интеграции в том числе связана с тем, что каждое государство-участник должно представляться субъектом достаточно комплексной онтологии. В этом смысле предложенная концепция «n-ядерной» модели мир-системы схватывает, на наш взгляд, одну из наиболее важных черт ландшафта описываемого взаимодействия государств – его многополярность. Ни одно из государств, даже входящих или единолично составляющих ядро мир-системы, не свободно от того, чтобы быть субъектом воздействия со стороны другого «центра силы», формирование которого может обеспечиваться тем, что даже те государства, которые традиционно составляют «периферию», могут организовывать или быть вовлекаемыми в различные интеграционные процессы.

Ключевые слова: новый шелковый путь; Китай; интеграционные процессы; миросистемный анализ; геополитика; геоэкономика.

Проблема исследования

Любая теория требует систематической проверки на соответствие вновь полученным эмпирическим данным. Это позволяет отсеивать устаревшие модели, либо трансформировать их таким образом, чтобы они не теряли актуальности и своих прогностических возможностей. В связи с этим особый интерес вызывает проблема реконструкции известных концепций социальной динамики, таких, например, как миросистемный анализ И. Валлерстайна или исторический материализм К. Маркса, перед лицом новых эмпирических и теоретических данных, в качестве которых могут выступать те или иные современные геополитические процессы и их интерпретации. Общая цель статьи состоит в том, чтобы, опираясь на подход И. Валлерстайна, попытаться «расширить» его таким образом, чтобы учесть «тяготение» отдельных государств к тем или иным глобальным «центрам силы» в мировой политической и экономической системах. На наш взгляд, переход от «одно-ядерной» к «много-ядерной» модели мир-системы способен более четко, во-первых, показать ме-

сто тех государств, которые однозначно не попадают в ту или иную основную категорию «одно-ядерной» модели (Австралия, Швейцария, скандинавские страны и т. д.), а во-вторых, представить процесс евразийской интеграции как «сетевой проект», учитывающий именно «межцивилизационные» взаимодействия, – взаимодействия между государствами, включенными в «сферы влияния» разных «центров силы».

Современный этап развития международных политической и экономической систем характеризуется глубинными трансформационными процессами, а также переосмыслением сложившихся глобальных политической, экономической, социальной, культурной и других макросистем. За последние 50 лет мировая экономика, являющаяся совокупностью взаимодействующих экономик стран мира, функционирующая по определенным согласованным правилам и объединенная в единый механизм, претерпевала значительные изменения. Достаточно вспомнить крушение в 1976 г. Бреттон-Вудской финансовой системы и ее замену Ямайской валютной системой, и следующие за ней, хоть и косвенно, изменения

политической структуры мира. Сейчас глобальная неопределенность на «экономическом макроуровне» проявляется во всех сферах экономики – на мировом рынке полезных ископаемых и в энергетической сфере, в колебаниях акций и кризисах ликвидности рынков недвижимости [1]. В то же время кризисы последних нескольких десятилетий, затронувшие как Запад, так и Восток, показывают не только нестабильность современной мировой финансово-экономической системы, но также подтверждают ее действительно глобальный характер, что снижает эффективность применения мер как фискального, так и монетарного регулирования правительствами отдельных стран [2]. И хотя наднациональные связи действительно играют существенную роль в формировании мировой системы во всех ее смыслах и проявлениях, мир все равно остается главным образом миром «наций-государств» (*nation-states*), взаимодействующих между собой по определенным институционализированным тем или иным путем правилам [3]. В области «политической макросистемы» биполярный мир, создававший иллюзию устойчивой системы сдержек и противовесов, обрушился в 1991 г. вместе с распадом Советского Союза, произошедшим внезапно как для своих апологетов, так и для наиболее жестких критиков и оппонентов. Произошедшие после распада СССР изменения характеризовались, с одной стороны, доминирующим положением США как государства по сути выигравшего в «холодной войне» и на этом основании присвоившего себе право навязывать другим странам по всему миру не только политические стандарты, но и культурные ценности и нормы, а с другой – скрытной реализацией государствами Азиатско-Тихоокеанского региона программы интенсивного экономического развития, дающего основания для будущих претензий на мировое лидерство. В этой

ситуации речь, прежде всего, идет о Китае, который с 1980 г. по 2014 г. демонстрировал непрерывный устойчивый экономический рост, опережая по показателям стабильности темпов роста своего ближайшего конкурента – Индию [4]. В то же время нельзя не учитывать, например, позиции стран ЕС и Японии, выступающих в качестве одних из мировых технологических лидеров, а также Индии, обладающей колоссальным демографическим потенциалом и активно развивающей международное экономическое сотрудничество, например, в сферах информационных технологий, связи и фармацевтики [5]. Вопрос о том, перешла ли международная политическая система от «биполярного» (СССР – США) к «дуоцентрическому» (США – КНР) состоянию все еще остается открытым.

Сегодня, когда Китаем накоплен достаточный потенциал, чтобы отойти от провозглашенной Дэн Сяопином еще в начале 1990-х гг. концепции 韬光养晦 (*tāo guāng yǎng huì* – *держаться в тени и ничем не проявлять себя*), предполагающей сознательный отказ от борьбы за лидерство в пользу поддержания высокой динамики развития, мы имеем дело с явлением, которое условно можно охарактеризовать как «новое для данного исторического этапа» – мощными интеграционными процессами на территории современной Евразии. При этом при ближайшем рассмотрении большая часть официально закрепленных интеграционных инициатив охватывается тремя «взаимопроникающими» проектами – это Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества и проект КНР «Один пояс – один путь». По мнению ряда политологов, именно в сочетании этих проектов «лежит путь от экономического взаимодействия к полноценному политико-экономическому альянсу» [6, с. 137]. Сделаем небольшое отступление и кратко прокомментируем отмеченные проекты.

Евразийский экономический союз, начавший действовать с 1 сентября 2015 г. объединяет Россию, Белоруссию, Казахстан и Киргизию, с целью «создания более успешной глобальной страты, по сравнению с той, к которой участники принадлежали бы поодиночке, без объединения» [7, с. 28], отмечается высокий геоэкономический потенциал ЕАЭС [8; 9]. Говоря о перспективах проекта и его геополитической важности, можно также отметить, что формирование ЕАЭС вызывает критику в ответ на попытки изменить соотношение сил в регионе. Так, например, госсекретарь США Х. Клинтон в Дублине в 2012 г., в рамках пресс-конференции перед встречей с министром иностранных дел РФ С. Лавровым заявила, что Россия предпринимает «шаги по ресоветизации региона» и подчеркнула, что США «пытаются найти действенные способы замедлить или предотвратить это»¹, что, конечно же, является основанием для утверждения о «двойственной роли ЕАЭС» [10].

Шанхайская организация сотрудничества, возникшая в 2001 г., в числе прочего являлась ответом на нарастание угроз сепаратизма, экстремизма и терроризма, как его крайней и наиболее радикальной формы, после распада СССР [11]. Ее деятельность по урегулированию многих приграничных вопросов между государствами-участниками, обеспечению консолидации усилий в области коллективной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Центральной Азии спо-

собствовала развитию добрососедских отношений, что закреплено соответствующим международно-правовым актом, подписанным в 2007 г. странами-членами ШОС².

Проект КНР «Один пояс – один путь», по большей части, состоит из двух основных блоков: «Экономический пояс Шелкового пути», предполагающий создание нескольких сухопутных высокоскоростных транспортных веток для доставки грузов из Китая в Европу, и «Морской Шелковый путь XXI века», который по плану должен стать альтернативой Северному морскому пути [12; 13]. Совместное заявление лидеров России и Китая от 8 мая 2015 г. о необходимости сопряжения проектов ЕАЭС и нового китайского «Экономического пояса» снимает целый ряд вопросов о конкуренции и сотрудничестве в Центрально-Азиатском и Азиатско-Тихоокеанском регионах³. Общей проблемой для всех приведенных проектов является отсутствие четко выработанных механизмов проработки конкретных договоренностей, а также способов учета интересов других стран-участниц, что, конечно же, способствует замедлению темпов интеграции и взаимопроникновения данных инициатив. Более того, это обстоятельство создает реальную угрозу негативного, с точки зрения региональной интеграции, вмешательства «внерегиональных игроков», стремящихся к достижению своих политических и экономических целей [14–17].

На наш взгляд, отмеченные примеры интеграционных процессов, происходящих на

¹ Clinton Calls Eurasian Integration An Effort To 'Re-Sovietize' [Электронный ресурс] // Radio Free Europe. December 07, 2012 10:18 GMT. URL: <http://www.rferl.org/content/clinton-calls-eurasian-integration-effort-to-resovietize/24791921.html> (дата обращения: 29.08.2017).

² «Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества» [Электронный ресурс].

URL: <http://rus.sectsco.org/load/203695/> (дата обращения 29.08.2017).

³ «Совместное заявление РФ и КНР об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4969> (дата обращения 29.08.2017).

евразийском пространстве по инициативе России и Китая, являются теми самыми «новыми эмпирическими данными», на которых можно и необходимо проверять имеющиеся геополитические концепции. Ниже мы покажем, что сложившуюся концепцию миросистемного анализа И. Валлерстайна целесообразно дополнить рядом допущений, в частности, отказаться от идеи существования одного однородного «ядра» при описании мир-системы и т. д. для того, чтобы повысить степень ее (концепции) прогностических и эвристических возможностей на современном этапе описания развития политической и экономической макросистем. Стоит отметить, что несмотря на обилие данных и на кажущуюся простоту идеи расширить концепцию И. Валлерстайна в пользу «многополярной» мир-системы, ни в работах отечественных авторов⁴ [18–19], ни в работах зарубежных [20–22] эта идея так и не закрепились. Наша цель заключается в том, чтобы на основании анализа геополитической и геоэкономической межгосударственной интеграции на территории современной Евразии обобщить результаты И. Валлерстайна, в первую очередь, понятие «ядра» мир-системы. Закрепление представления о том, что «многополярность» современного геополитического и геоэкономического ландшафтов можно описать с помощью «много-ядерной» модели

мир-системы, не только интересно само по себе, с теоретической точки зрения, но и позволит описать динамику формирования новых «центров силы», в частности, посредством реализации глобальных интеграционных проектов государствами «периферии» и «полупериферии».

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет миросистемный подход, предложенный американским социологом И. Валлерстайном⁵ [23]. Согласно подходу исторически сформировались три основных группы государств, разделенных по степени экономического развития: а) страны «ядра», б) страны «полупериферии», в) страны «периферии»⁶. Одна из базовых предпосылок модели И. Валлерстайна – постоянная борьба стран более низкого уровня за вхождение в более высокий⁷. Также важным допущением, сделанным И. Валлерстайном, является гипотеза об одновременном существовании множества «мир-систем», возникших в результате эволюции «мини-систем» и «мир-экономик», характерных для докапиталистического, аграрного периода развития общества. В то же время не все последователи концепции И. Валлерстайна разделяют этот взгляд. Так, например, А. Франк считает, что, поскольку сам термин

⁴ Дугин А. Г. Теория многополярного мира. – М.: Евразийское движение, 2013. – 532 с.

⁵ Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. – Duke University Press, 2004. – 128 p.

⁶ Страны «ядра» – наиболее высокоразвитые страны государства, выполняющие роль мировых лидеров. В течение XX века к «ядру» было принято относить США и страны Западной Европы во главе с Германией, Францией и Великобританией. Страны «полупериферии» – менее развитые государства, стремящиеся попасть в «ядро», но не имеющие для этого достаточного уровня развития. Традиционно в течение наиболее продолжительной части XX века к «полупериферии» было принято относить Советский Союз

и страны «социалистического лагеря». Страны «периферии» – наименее развитые государства, не оказывающие сколько-нибудь значимого влияния на мировую политическую и экономическую систему, страны «третьего мира».

⁷ Вместе с тем при неблагоприятных обстоятельствах страны могут также переходить на более низкий уровень в данной «системе координат». Например, считается, что в результате распада СССР, Россия и остальные государства, возникшие на его территории, переместились из категории полупериферии в число периферийных государств.

«мир-система» имплицитно предполагает ее существование в единственном числе вне зависимости от временных и пространственных рамок, то мы можем постулировать существование на всем протяжении истории человечества (начиная примерно с 3000 лет до н. э.) лишь одной мир-системы, которая прошла череду трансформаций, и в рамках которой «ядро» перемещалось из одного региона в другой⁸. Следуя А. Франку, например, можно говорить о том, что в течение достаточно длительного периода времени центр «мир-системы» находился в средневековом Китае и только в XVIII–XIX вв. переместился сначала в Европу, а затем, после Второй мировой войны, – в Северную Америку. В этом смысле, современное усиление роли КНР в мировой геополитике и геоэкономике можно считать завершением некоего длинного цикла, в ходе которого Китай утратил лидерские позиции и был смещен в категорию «полупериферийных» стран, а в настоящее время возвращает себе утраченный статус.

Последнее обстоятельство – гипотеза о существовании единой «мир-системы», внутри которой «ядро» может перемещаться, кажется нам особенно интересным. Что сделал А. Франк в методологическом плане по отношению к содержанию концепции И. Валлерстайна? Пусть концепция И. Валлерстайна представляет собой самостоятельную научно-исследовательскую программу по И. Лакатосу⁹, тогда, следуя И. Лакатосу, явно или неявно, А. Франк приводит так называемую положительную эвристику. По определению: «Если отрицательная эвристика определяет “твердое ядро” программы, то положительная

эвристика складывается из доводов и положений, направленных на то, чтобы изменять и развивать “опровержимые варианты” исследовательской программы. Положительной эвристикой определяется программа, в которую входит система более сложных “моделей” реальности»¹⁰. То «расширение» концепции И. Валлерстайна, которое предлагает А. Франк, является именно «более сложной моделью», а не самостоятельной теорией или программой уже потому, что не нарушает «твердое ядро» и в целом укладывается в логику «инструкций» миросистемного анализа, заложенную И. Валлерстайном.

Не нарушая общности рассуждений, выпишем «твердое ядро» программы И. Валлерстайна.

1. Все мировые государства можно условно разделить на три неравномерные группы по принципу экономического и политического развития. Назовем эти группы по степени убывания уровня развития (а, следовательно, и уровня влияния на системы в целом) на «ядро», «полупериферию» и «периферию».

2. Будем считать, что данная система возникла достаточно давно и в течение развития человечества лишь претерпевала те или иные изменения, не меняя концептуальной «архитектуры».

3. Переход государства из одной группы в другую возможен и периодически происходит по мере политического и экономического усиления либо ослабления той или иной страны.

Наша гипотеза заключается в том, что, опираясь на имеющиеся данные и действуя по аналогии с приведенным «расширением»

⁸ Frank A, Gills B. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? – Routledge, 1996. – 344 p.

⁹ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура

научных революций. – М.: Издательство АСТ, 2001. – С. 269–453.

¹⁰ Там же. С. 326.

А. Франка, мы можем предложить свою «положительную эвристику», в первую очередь, нацеленную на то, чтобы описать интеграционные процессы в современной Евразии и соответствующее положение России в геоэкономической и геополитической плоскостях. Следуя И. Лакатосу, «положительную эвристику» можно понимать как еще одну «модель», которая призвана «подвинуть программу в сторону прогрессивного сдвига»¹¹. Естественно, различные «модели» в рамках одной программы можно сравнивать, например, по их предсказательной и объяснительной силе. Принимая во внимание «модель» предложенную А. Франком (существует только одна мир-система), мы хотим переинтерпретировать тезис о существовании одного «ядра». Обращаясь к тому эмпирическому материалу, который был у И. Валлерстайна, нам представляется спорным утверждение о существовании одного однородного «ядра». Так, например, степень экономического развития США и СССР в 1960–1980-х гг. достаточно сложно сопоставить. При этом производство товаров народного потребления, а также их качество в США находилось на существенно более высоком уровне по сравнению с СССР. Вместе с тем по уровню социальных гарантий (бесплатная медицина, образование и др.), а также по ряду отраслей промышленности, Советский Союз опередил в развитии страны Запада на несколько десятилетий. Что касается политического влияния в мире в послевоенный период, то приоритет США и Западной Европы также представляется весьма дискуссионным. Кроме того, И. Валлерстайн и его последователи были традиционно сконцентрированы на изу-

чении роли и места именно капиталистической экономики, и в этой связи, отнесение СССР к странам «полупериферии» можно считать неким идеологическим шагом.

Предположим, что в рамках одной «мир-системы» могут существовать не одно, а два «ядра», обладающих достаточной степенью автономности и формирующих вокруг себя «свои» группы стран «полупериферии» и «периферии». Образно говоря, «ядра», выступая в качестве мировых «центров силы», подобно «центрам гравитации» (звездам) притягивают к себе «полупериферийные» государства (планеты), часть из которых формируют вокруг себя «периферийные» государства (спутники). Опираясь на это допущение, мы можем предложить следующее «расширение» программы И. Валлерстайна (1)–(3).

4. Допускается существование нескольких конкурирующих между собой «ядер», каждое из которых формируется странами, на определенном историческом этапе аккумулировавшими необходимую для этого «силу».

Таким образом, в рамках модели (1)–(4), мы можем разделить все страны на следующие типы:

– «государства-звезды», образующие одно или несколько «ядер»; они различными способами (политическими, экономическими и другими) притягивают к себе государства «полупериферии» и «периферии», вовлекая их в свою «орбиту» и формируя собственную «звездную систему»;

– «государства-планеты», развивающиеся автономно, либо вовлеченные в какую-либо из звездных систем; также важным допу-

¹¹ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. – М.: Издательство АСТ, 2001. – С. 328

щением является то, что «планеты» также обладают способностью «притягивать» к себе государства «периферии», образуя вокруг себя системы «спутников»;

– «государства-спутники», развивающиеся автономно, либо вовлеченные в какую-либо из «звездных», либо «планетарных» систем.

На наш взгляд, наилучшим образом эвристический потенциал предложенной «п-ядерной» модели можно продемонстрировать при ее интерпретации на эмпирическом материале, описывающем современную геополитическую и геоэкономическую ситуацию, характеризующую евразийские интеграционные процессы, происходящие на территории Центрально-Азиатского и Азиатско-Тихоокеанского регионов. В этом смысле, «п-ядерная» модель мир-системы, призванная проинтерпретировать «дуоцентрический» характер современных геополитических и геоэкономических отношений (особую роль в которых играют США и Китай), должна подсказать нам перспективы тех конкретных шагов по интеграции, которые предпринимают страны Евразийского региона.

Результаты исследования

Первый шаг к обоснованию предложенной «п-ядерной» модели «мир-системы» – интерпретация на тех же данных, на которые опирался И. Валлерстайн. Будем считать, что в послевоенный период мировая система была разделена между двумя «центрами гравитации»: первый – США, второй – СССР. В американскую «звездную систему» входили страны-планеты Западной Европы (за исключением ГДР) и Япония. Одновременно с этим в число стран советской «звездной системы» входили страны «социалистического лагеря» (Восточная Европа, ГДР, Китай), а также «спутники»: Куба, КНДР, Вьетнам, ряд африканских государств. Американская «звездная

система» также включала периферийные «спутники», которые замыкались либо на США непосредственно, либо входили в «планетарные системы» европейских стран. Очевидно, что разница между этой интерпретацией и той, которая зафиксирована в классических работах И. Валлерстайна, заключается в том, что в данном случае, к какому бы идеологическому лагерю не принадлежал исследователь, не так-то просто отнести СССР к странам «полупериферии».

Попытаемся поступить аналогичным образом, реконструируя «мир-систему» в предположении, что евразийские интеграционные проекты продолжают реализовываться достаточно успешно. В данном случае, в качестве основных «центров гравитации» будут выступать США и Китай. Соответственно, получим две «звездные системы»: «Американская»: «звезды» – США и наиболее развитые страны Западной Европы; «планеты» – менее развитые европейские страны, а также Скандинавия, Восточная Европа, Япония и Южная Корея; «спутники» – арабские государства, политически зависимые от США и их союзников, а также страны Африки и Южной Америки, находящиеся под фактическим американским протекторатом. «Китайская система»: «звезда» – Китай; «планета» – Россия, формирующая вокруг себя пояс «спутников» из числа стран Центрально-Азиатского региона и стран бывшего СССР. Чем интересна данная «двух-ядерная» модель? В первую очередь, попыткой учесть и проинтерпретировать «тяготение» отдельно взятого государства к «центру силы».

Включение России в «китайскую систему», в том числе, обусловлено явным поворотом внешнеполитического вектора «на Восток», официально объявленного политическим руководством страны, вызванным, в числе прочего, введением Западом ряда экономических и политических санкций, которые, в

свою очередь, можно интерпретировать как «реакцию» со стороны «второго центра силы» («американской системы»). При этом можно также отметить активность России, например, по продвижению ЕАЭС, как концепции развития отношений со странами Центральной Азии (которые, согласимся, в постсоветский период оказались отброшены с уровня «полупериферии», куда они входили в составе объединенного СССР, до «периферического» уровня), что свидетельствует о намерении восстановить утраченное влияние в регионе, которое существенно снизилось после распада СССР на фоне «политического открытия» стран, составляющих регион [24–26]. Более того, претензии России на гегемонию в Центральной Азии, демонстрируемые, например, путем реализации проекта ЕАЭС, не противоречат интересам КНР, как «центра гравитации» локальной «системы». Доминирование России в регионе, которое еще не сформировалось окончательно, но имеет высокий потенциал [27], не выводит всю эту подсистему (Россия – как «планета», государства бывшего СССР – как «спутники») из «китайской системы», а следовательно, не нарушает стратегических интересов КНР. В пользу данного тезиса может служить и стремление китайского политического руководства обеспечить сопряжение ЕАЭС и проекта «Экономический пояс Шелкового пути», и скоординированная политика России и Китая в области энергетической безопасности в Центральной Азии, строящаяся в рамках другого интеграционного проекта – Шанхайской организации сотрудничества [28]. Говоря о том, что приведенная «двух-ядерная» модель «мир-системы» более адекватно учитывает «тяготение» отдельных государств к тем или иным глобальным «центрам силы» в мировой политической и экономической системах, мы имеем в виду то, что в рамках модели для осмысления потенциально доступны не только

«вертикальные» связи, но и другие (не обязательно «горизонтальные») связи, также являющиеся следствием усложнения принятой онтологии, предполагающей несколько «ядер», их «полупериферий» и «периферий», объединяемых большим числом, в том числе, «сложноопосредованных» взаимодействий.

В канонической модели И. Валлерстайна довольно трудно оценить положение отдельных стран, которые заведомо однозначно не попадают в ту или иную основную категорию («ядро», «полупериферия», «периферия»). Так, например, может получиться, что Швейцария, Австралия или скандинавские государства, обладая высокоразвитой экономикой и демонстрируя высокий уровень благосостояния граждан, не имеют сколько-нибудь значимого влияния на мировую систему. С одной стороны, подобное затруднение не исчезнет полностью и в «n-ядерной» модели. Однако, вместе с тем, представляется, что отказ от «одно-ядерной» модели будет ближе современным реалиям, поскольку потенциально появляется больше средств учитывать происходящие структурные сдвиги и интеграционные процессы. В частности, такой переход позволяет более корректно описывать динамику происходящих интеграционных процессов не только в евразийском, но и в западноевропейском пространстве. Например, достаточно характерным примером государств, одновременно ориентированных на несколько «центров силы», может служить политика Австралии, которая, будучи традиционно ориентированной на «англо-американский» вектор развития, и являющаяся членом «Содружества наций», объединяющего бывшие британские колонии, вместе с тем активно развивает торгово-экономические отношения с Китаем. Так, начиная с 2016 г. в рамках реализации сетевого проекта «Один пояс – один путь» про-

водятся консультации между представителями министерств иностранных дел Австралии и КНР по вопросам организации сотрудничества в сферах телекоммуникации, сельского хозяйства, энергетики и др., однако соответствующие соглашения на данный момент не подписаны¹². Аналогичным образом, Швейцария, с одной стороны являющаяся одним из наиболее важных торговых партнеров Евросоюза, но, с другой стороны, вынужденная противостоять давлению со стороны последнего по вопросам активизации процессов евроинтеграции и защищать свои национальные интересы, также фактически лавирует между различными «центрами силы»¹³. Все это свидетельствует в пользу того, что применение «n-ядерной» модели мир-системы позволяет представить процессы интеграции как «сетевую модель», с которой реально учитываются межрегиональные и межцивилизационные взаимодействия.

Заключение

Проблема реконструкции известных концепций социальной динамики перед лицом новых эмпирических и теоретических данных является актуальной сама по себе. В то же время, интеграционные процессы, происходящие в современной Евразии – это реальность, которая требует объяснения. Естественно, в объеме одной статьи достаточно трудно охватить все вопросы, касающиеся оснований и обоснования концепции «n-ядерной» модели мир-системы, показать то, как она объясняет и предсказывает явления и структуры исторической динамики.

Тем не менее мы уверены в том, что учет возможности одновременного существования нескольких «ядер» в рамках одной мир-системы объясняет формирующуюся «дуоцентричную» модель геополитики, разделенную на сферы влияния США и КНР, а также достаточно адекватно схватывает роль и место России в данной системе. На современном историческом этапе, государства, участвуя в процессах глобальной интеграции, представляются субъектами достаточно сложной онтологии. Предложенная концепция «n-ядерной» модели мир-системы схватывает, на наш взгляд, одну из наиболее важных черт ландшафта описываемого взаимодействия государств – его (ландшафта) «многополярность», которую следует понимать в динамических терминах. Ни одно из государств, даже входящих или единолично составляющих ядро мир-системы, не свободно от того, что быть субъектом воздействия со стороны другого «центра силы», формирование которого может обеспечиваться тем, что даже те государства, которые традиционно составляют «периферию», могут организовывать или быть вовлекаемыми в различные интеграционные процессы. В этом смысле, положение России, как инициатора и активного участника интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и целого облака проектов «Один пояс – один путь», не означает устойчивого положения страны на «полупериферии», – поскольку успешность реализации интеграционных процессов, в данной модели, гарантирует формирование нового «центра силы».

¹² «One belt, one road: Australia needs to bide its time» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theaustralian.com.au/opinion/columnists/paul-kelly/one-belt-one-road-australia-needs-to-bide-its-time/news-story/22c632e9ef23a75300a2773fd4938fc8> (дата обращения 29.08.2017)

¹³ «Accord sur la fiscalité de l'épargne entre la Suisse et l'Union européenne» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efd.admin.ch/efd/fr/home/themen/impots/steuern-international/accord-sur-la-fiscalite-de-lepargne-entre-la-suisse-et-lunion-eu.html> (In French) (дата обращения 29.08.2017)

Благодарности

Авторы статьи выражают признательность профессору кафедры социальной философии и политологии НГУ Н. С. Розову за комментарии, которые были весьма полезны при обсуждении основной идеи статьи, а также ректору НГУ член-корреспонденту РАН М. П. Федоруку за внимание и оказанную поддержку проведения исследований в области анализа и прогнозирования интеграционных процессов в современной Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Berger T., Grabert S., Kempa B.** Global macroeconomic uncertainty // *Journal of Macroeconomics*. – 2017. – Vol. 53. – P. 42–56. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.jmacro.2017.05.005>
2. **Woo J. J., Ramesh M., Howlett M., Coban M. K.** Dynamics of global financial governance: Constraints, opportunities, and capacities in Asia // *Policy and Society*. – 2016. – Vol. 35, Issue 3. – P. 269–282. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.polsoc.2016.10.002>
3. **Баталов Э. Я.** Мир-политология как научная субдисциплина // *Международные процессы*. – 2014. – Т. 12, № 36–37. – С. 6–19.
4. **Sahoo M., Babu M. S., Dash U.** Long run sustainability of current account balance of China and India: New evidence from combined cointegration test // *Intellectual Economics*. – 2016. – Vol. 10, Issue 2. – P. 78–91. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.intele.2017.02.002>
5. **Киреева А. А.** Соотношение сил великих держав в Восточной Азии: метод структурированной оценки // *Международные процессы*. – 2013. – Т. 11, № 34. – С. 95–102.
6. **Malle S.** Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behaviour // *Journal of Eurasian Studies*. – 2017. – Vol. 8, Issue 2. – P. 136–150. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>
7. **Буторина О. В.** Особенности евразийской модели экономической интеграции // *Современная Европа*. – 2016. – № 2. – С. 28–32.
8. **Андропова И. В.** Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства // *Вестник международных организаций*. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 7–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-07>
9. **Анисимов А. М., Попова А. А.** Структурно-топологический анализ взаимодействия акторов мирохозяйственной системы: на примере исследования интеграции стран ЕС и ЕАЭС // *Вестник международных организаций*. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 140–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-140>
10. **Братерский М. В.** Изоляционизм против геополитики: двойственная роль Евразийского союза в системе глобального управления // *Вестник международных организаций*. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 58–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-58>
11. **Конаровский М. А.** Россия – ШОС: некоторые элементы стратегии // *Вестник международных организаций*. – 2016. – Т. 11, № 4. – С. 149–161. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-04-149>
12. **Арапова Е. Я.** Морской шелковый путь XXI века против Северного морского пути: угрозы и возможности // *ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика*. – 2014. – № 4. – С. 84–93.
13. **Син Л., Чэньсин В.** Китайская политология о смысле и перспективах Евразийского союза // *Международные процессы*. – 2014. – Т. 12, № 38. – С. 70–82.
14. **Скриба А. С.** Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // *Вестник международных организаций*. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 67–81. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-03-67>

15. **Макаров И. А., Соколова А. К.** Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 40–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-40>
16. **Михневич С. В.** Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском // Вестник международных организаций. – 2016. – Т. 11, № 1. – С. 92–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845/2016-01-92>
17. **Бордачев Т. В., Казакова А. И., Скриба А. С.** Институты для мира в Евразии // Вестник международных организаций. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 24–39. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-24>
18. **Зуйков Р. С.** Мировая система в начале XXI века: опыт реконцептуализации // Международные процессы. – 2013. – Т. 11, № 33. – С. 20–36.
19. **Мартынов Б. Ф.** Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. – 2009. – Т. 7, № 21. – С. 13.
20. **Derluigian G.** Spaces, Trajectories, Maps: Towards a World-Systems Biography of Immanuel Wallerstein // Journal of World-Systems Research. – 2015. – Vol. 21, № 2. – P. 448–459. DOI: <http://dx.doi.org/10.5195/jwsr.2015.14>
21. **el-Ojeili C.** Reflections on Wallerstein: Modern World-System, Four Decades On // Critical Sociology. – 2015. – Vol. 41, Issue 4-5. – P. 679–700. <http://dx.doi.org/10.1177/0896920513497377>
22. **Pawluszko T.** Perspektywa wykorzystania badań nad systemem-światem w analizie stosunków międzynarodowych w XXI wieku // Historia i Polityka. – 2017. – № 21 (28). – P. 9–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/HiP.2017.017>
23. **Wallerstein I.** A World-System Perspective on the Social Sciences // British Journal of Sociology. – 1976. – Vol. 27, № 3. – P. 343–352. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/589620>
24. **Fortesque S.** Russia's economic prospects in the Asia Pacific Region // Journal of Eurasian Studies. – 2016. – Vol. 7, Issue 1. – P. 49–59. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2015.10.005>
25. **Dadabaev T.** Evaluations of perestroika in post-Soviet Central Asia: Public views in contemporary Uzbekistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan // Communist and Post-Communist Studies. – 2016. – Vol. 49, Issue 2. – P. 179–192. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.03.001>
26. **Eom G. H.** Silk roads again: Revisiting roads connecting Eurasia // Journal of Eurasian Studies. – 2017. – Vol. 8, Issue 1. – P. 1–2. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2016.12.002>
27. **Kirkham K.** The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony? // Journal of Eurasian Studies. – 2016. – Vol. 7, Issue 2. – P. 111–128. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2015.06.002>
28. **Golobokov A. S.** Various forms and mechanisms of Chinese-Russian cooperation in the energy sphere and the role of non-governmental structures // Pacific Science Review B: Humanities and Social Sciences. – 2015. – Vol. 1, Issue 1. – P. 45–48. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.psr.2016.01.002>

Andrei Alexandrovich Obukhov,
Candidate of Economics Sciences,
Researcher of Center for Analysis of Integration Processes in Contemporary
Eurasia, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8822-7909>
E-mail: a.obukhov@nsu.ru

Nikita Vladimirovich Golovko,
Doctor of Philosophy Sciences, Professor,
Department of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>
E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

Reconstruction of the world-system theory in the context of the integration processes of modern Eurasia

Abstract

Introduction. Immanuel Wallerstein's world-system theory is one of the most well-known macrosociological paradigms describing the phenomena and structures of historical dynamics. The article aims to generalize the Wallerstein's results on the basis of the analysis of geopolitical and geo-economic interstate integration within the framework of contemporary Eurasia. The first notion to reconsider is the concept of the "core" of the world system which is analyzed in the context of the "duocentric" model of geopolitics that has been formed in the last few years by the special political role played now by the United States and China.

Materials and Methods. The methodological basis of the study is the concept of the "world-system" by I. Wallerstein. We understand the concept of the "world-system" as a research program by I. Lakatos and analyze its positive heuristics, putting forward auxiliary hypotheses that suggest a "more complex" model of "reality", in order to show the progressive nature of the concept of the "world-system" as a program. As the main "empirical basis", the foundations and prospects for the development of the international political and economic systems are considered, strategically following the three main integration projects in the region, – the development of the Eurasian Economic Union, the Shanghai Cooperation Organization, and China's "One belt, one road" comprehensive project.

Results. The possibility to expand the concept of the "world-system" is demonstrated owing to the concept of the simultaneous existence of several "cores" within the framework of one world system. The new "expanded" model of the world-system is aimed to take into account the gravitation of individual states to these or those global "centers of power" and, according to the authors, is able to more profoundly show, first, that the geopolitical place and strategies of those states that are clearly do not fall into this or that basic category of the "one-core" model (Australia, Switzerland, Scandinavian countries, etc.), and secondly – to present the process of Eurasian integration as a "network project" which takes into account "inter-civilizational" interaction – an interaction between states which are included into the "spheres of influence" by different "centers of power".

Conclusions. The complexity of describing the processes of global integration is related to the fact that each participating state should be represented as a subject of a rather complex ontology. In this sense, the proposed concept of the "n-core" model of the world-system grasps, in our opinion, one

of the most important features of the landscape of the described interaction of states – its multipolarity. None of the states, even those which are a part of or solely the core of the world system, are free from being subject of influence from another "center of power", the formation of which can be ensured by the fact that even those states that traditionally make up the "periphery" can organize or be involved in various integration processes.

Keywords

New Silk Road; China; Integration Processes; World-System Analysis; Geopolitics; Geo-economics.

Acknowledgements

The reported study was supported by Russian Ministry of Science and Education under 5-100 Excellence Programme

REFERENCES

1. Berger T., Grabert S., Kempa B. Global macroeconomic uncertainty. *Journal of Macroeconomics*, 2017, vol. 53, pp. 42–56. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.jmacro.2017.05.005>
2. Woo J. J., Ramesh M., Howlett M., Coban M. K. Dynamics of global financial governance: Constraints, opportunities, and capacities in Asia. *Policy and Society*, 2016, vol. 35, issue 3, pp. 269–282. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.polsoc.2016.10.002>
3. Batalov E. Ja. World-Politology: an Emerging Sub-Discipline. *International Trends*, 2014, vol. 12, no. 36–37, pp. 6–19. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23488858>
4. Sahoo M., Babu M. S., Dash U. Long run sustainability of current account balance of China and India: New evidence from combined cointegration test. *Intellectual Economics*, 2016, vol. 10, issue 2, pp. 78–91. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.intele.2017.02.002>
5. Kireeva A. A. Great Powers and Power Dynamics in East Asia. *International Trends*, 2013, vol. 11, no. 34, pp. 95–102. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21742069>
6. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, vol. 8, issue 2, pp. 136–150. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>
7. Butorina O. V. The specifics of the Eurasian model of economic integration. *Contemporary Europe*, 2016, no. 2, pp. 28–32. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25984453>
8. Andronova I. V. Eurasian Economic Union: Opportunities and Barriers to Regional and Global Leadership. *International Organisations Research Journal*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 7–23. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-07>
9. Anisimov A. M., Popova A. A. A Structural-Topological Analysis of the Relationship between Actors of Multiple Connections: Intercommunication between the European Union and the Eurasian Economic Union. *International Organisations Research Journal*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 140–159. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-140>
10. Bratersky M. V. Isolationism versus Geopolitics: The Dual Role of the Eurasian Economic Union in Global Governance. *International Organisations Research Journal*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 58–70. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-58>
11. Konarovskiy M. A. Russia and the Shanghai Cooperation Organization: Some Elements of Strategy. *International Organisations Research Journal*, 2016, vol. 11, no. 4, pp. 149–161. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-04-149>
12. Arapova E. J. Maritime Silk Road vs. Northern Sea Route: Threats and Opportunities. *ETAP: Economic Theory, Analysis and Practice*, 2014, no. 4, pp. 84–93. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22156433>
13. Xing Li, Chenxing Wang. China's Take on the Future of the Eurasian Union. *International Trends*, 2014, vol. 12, no. 38, pp. 70–82. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23065141>

14. Skriba A. S. The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Players, Interests and Implementation Challenges. *International Organisations Research Journal*, 2016, vol. 11, no. 3, pp. 67–81. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-03-67>
15. Makarov I. A., Sokolova A. K. The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia. *International Organisations Research Journal*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 40–57. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-40>
16. Mikhnevich S. V. The Glory of Intelligence: China's Smart Power and the Implications for Security in the Asia-Pacific Region. *International Organisations Research Journal*, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 92–125. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845/2016-01-92>
17. Bordachev T. V., Kazakova A. I., Skriba A. S. Institutions for a Peaceful Eurasia. *International Organisations Research Journal*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 24–39. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2016-02-24>
18. Zuikov R. S. Russia and the Global World of the XXI Century general Systems Theory Analysis. *International Trends*, 2013, vol. 11, no. 33, pp. 20–36. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20788159>
19. Martynov B. F. Multipolar or Multi-Civilizational World?. *International Trends*, 2009, vol. 7, no. 21, pp. 13. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16972911>
20. Derluguian G. Spaces, Trajectories, Maps: Towards a World-Systems Biography of Immanuel Wallerstein. *Journal of World-Systems Research*, 2015, vol. 21, no. 2, pp. 448–459. DOI: <http://dx.doi.org/10.5195/jwsr.2015.14>
21. el-Ojeili C. Reflections on Wallerstein: The Modern World-System, Four Decades On. *Critical Sociology*, 2015, vol. 41, issue 4-5, pp. 679–700. <http://dx.doi.org/10.1177/0896920513497377>
22. Pawłuszko T. Perspectives of Application the World-Systems Analysis Approach in the Study on International Relations in 21st Century. *Historia i Polityka*, 2017, no. 21 (28), pp. 9–25. (In Polish) DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/HiP.2017.017>
23. Wallerstein I. A World-System Perspective on the Social Sciences. *British Journal of Sociology*, 1976, vol. 27, no. 3, pp. 343–352. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/589620>
24. Fortesque S. Russia's economic prospects in the Asia Pacific Region. *Journal of Eurasian Studies*, 2016, vol. 7, issue 1, pp. 49–59. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2015.10.005>
25. Dadabaev T. Evaluations of perestroika in post-Soviet Central Asia: Public views in contemporary Uzbekistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Communist and Post-Communist Studies*, 2016, vol. 49, issue 2, pp. 179–192. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.03.001>
26. Eom G. H. Silk roads again: Revisiting roads connecting Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, vol. 8, issue 1, pp. 1–2. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2016.12.002>
27. Kirkham K. The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony?. *Journal of Eurasian Studies*, 2016, vol. 7, issue 2, pp. 111–128. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2015.06.002>
28. Golobokov A. S. Various forms and mechanisms of Chinese-Russian cooperation in the energy sphere and the role of non-governmental structures. *Pacific Science Review B: Humanities and Social Sciences*, 2015, vol. 1 (1), pp. 45–48. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.psrb.2016.01.002>

Submitted: 02 December 2017 Accepted: 09 March 2018 Published: 30 April 2018

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).